МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н.Э. БАУМАНА

Петровская Яуза - преображенное Московское царство







Исследователь Петровской эпохи
Александр Борисович Вержбицкий
расскажет об истории окрестностей МГТУ

Приглашаем на встречу!
Четверг в 18:00

zharov_a@inbox.ru

17 сентября

Конференц-зал каф. Э4
МГТУ им. Н.Э. Баумана
Лефортовская набережная, дом 1,
3 этаж справа, дверь номер 312,
по коридору до конца

МВТУ
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КЛУБ

ГЕНИЙ МЕСТА ПРЕОБРАЖЕННОГО ЦАРСТВА
В Е Р С А Л Ь на Я У З Е

Александр Борисович Вержбицкий

Необходимо отметить два знаковых замечательных моментов:

1.Нынешний 2025 год включает памятную дату 300-летия преставления императора Петра I, которую наш уважаемый Музей Тропинина и московских художников его времени отметил замечательной выставкой графики из частных собраний «Образы Петра», всем е1 исключительно рекомендую.

2. Сам Музей Тропинина стоит на пороге трансформации в более значительный музейный комплекс, который после реставрации получит здание Екатерининского дворца в Лефортово. Недавно Президентом России подписан указ о праздновании 300-летия со дня рождения императрицы Екатерины II в 2029 году, и мы выражаем надежду, что в ходе подготовки юбилейных мероприятий, вместе со дворцом Мэрия Москвы уделит должное внимание и Головинскому-Лефортовскому парку и столица снова обретет полноценный значимый дворцово-парковый музейный комплекс.

Применительно к яузским дворцам и паркам мне не очень нравится сравнение с Версалем, хотя именно оно и бытовало 100 лет назад в общественных кругах. Исторически более честное сравнение Лефортовского и окружающих его садов и дворцов с Петергофом, поскольку он тоже имеет собственную водную систему, имел фонтаны, в том числе Самсона, причем на 2 года раньше чем Петербургский Петергоф, то есть значительно был насыщен и эстетической и идеологической программой.

Для тех наших собеседников, кто знает больше подробностей отечественной истории не секрет, а кто не знает пусть будет открытие, что московские государи, в общем, постоянно в самом Кремле не жили. Конечно, это был сакральный центр государства, я веду речь уже о централизованном государстве со времен Ивана III. Но постоянное проживание в Кремле видимо сопровождалось массой неудобств (бытовых, продовольственных, экологических, противопожарных и санитарных (противоморовых), поэтому загородные государственные резиденции начали зарождаться уже тогда, и не только как палаты в монастырях, а как самостоятельные подворья. Деревянные постройки время в любом случае щадит меньше. Однако, уехав в Александрову слободу на 17 лет Иван Грозный приехал не на пустое место, а перестроил легендарный для наших исследователей дворец Ивана III. С тех же времен ведет историю резиденция на Воробьевских горах (где Погодин в молодости своей видел остатки грозненского дворца), Коломенское и ближнее к ней дворцовое село Остров с белокаменной, итальянских мотивов, церковью.

У Грозного также был большой опричный двор в Москве на Моховой в районе нынешнего Романова переулка и Шереметевского дворца. А Борис Годунов и вовсе строил планы основать собственную столицу между Можайском и Вереей, место сохранившее название Борисов Городок, имевший когда-то свой кремль, соборный шатровый храм и колокольню, сопоставимую по высоте с Иваном Великим.

Покровское-Рубцово.

Интерес к яузским просторам возникает у основателей новой династии Романовых при воцарении ее первых представителей в начале XVII по завершении Смутного времени.

В 1613 году Земский собор избирает царем Михаила, так как его отец, митрополит и будущий патриарх Филарет, двоюродный брат последнего царя из Рюриковичей Федора Иоанновича, правда по женской линии, как племянник его матери Анастасии Захарьиной-Юрьевой, первой жены Ивана Грозного.

Казна пуста, Кремль окончательно разорен, до Деулинского перемирия 1618 года продолжается война с Польшей. Молодой царь временно обосновывается в родовой вотчине Романовых Покровское-Рубцово, где к 1615 году для 19 летнего царя возводятся деревянные хоромы, освящается деревянный усадебный храм св. Николая чудотворца, там же появляется первый государев сад с прудом, запруда на впадавшей в Яузу речке Гнилуше.

Историк XIX века Петр Синицын в книге 1895 года о «Преображенском и окружающих его местах» пишет о Яузе: **в прежнее время она была чиста и светла как хрусталь, также полна и водой, так как по берегам ея были густые тенистые леса, а в них находились питавшие ее родники.**

В 1619 году митрополит Филарет возвращается из польского плена и становится Патриархом, опекает молодого сына-царя, продолжая уже каменное строительство в Покровском-Рубцово. Эта усадьба частично сохранилась до наших дней, но разделенная пополам путями железной дороги, с одной стороны которой остался первый романовский каменный храм 1619 года, а с другой стороны неоднократно перестроенные палаты-дворец на улице Гастелло 44 стр.1, занимающий ныне НИИ Реставрации.

Последующие цари Алексей, Федор и Петр не жаловали вниманием Покровское-Рубцово, его ренессанс случился при Елизавете Петровне, которая поручила Франческо Растрелли перестроить его в Летний дворец. Таким мы его видим на рисунке из альбома Берхгольца.

В последние годы жизни царь Алексей Михайлович приказывает возвести Преображенский дворец рядом со Стромынским трактом, куда после его смерти перебирается царица Наталья Кирилловна с юным Петром. Там же Петр со своим учителем Никитой Зотовым активно начинает интересоваться военными забавами. На базе потешных царя Алексея Михайловича, тешивших его охотой возникают потешные войска, тешившие юного Петра штурмами и оборонами муляжных крепостей. Так рядом со старым дворцом возникает крепость Прешбург.

Не желая находиться под постоянной опекой матери Петр все более перебирается в военные лагеря на другую сторону Яузы.

Новопреображенский дворец.

В 1686-89 годах под руководством Михаила Буженинова был построен Ново-Преображенский (Нагорный) дворец Петра I на Генеральной улице Солдатской слободы (сейчас ориентировочно улица Электрозаводская д.27, угол с 2 Электрозаводским (Пустым) переулком), чуть выше впадения в Яузу речки Хапиловки (ручья Хапиловского пруда). Этот дворец располагался ниже по течению Яузы относительно Старого Преображенского дворца и Матросского моста на Стромынке, но выше села Семеновского и царской усадьбы Покровское-Рубцово.

П.В. Синицын своей работе 1895 года «Преображенское и окружающие его места, их прошлое и настоящее» сообщает: «Впоследствии, осенью 1692-го года, построен был Петром на пригорке на берегу Яузы дворец по преданию небольшой, в два этажа, нижний этаж выложенный целиком из гранитного дикого камня, расположен был в виде буквы П, и имел немного окон на улицу, с железными в них решетками, он выходил лицом на Генеральную улицу (прим. Электрозаводскую) и против него

приходился переулок (ныне Пустой), а двор его выходил к реке Яузе. Петр из старого отцовского дворца и потешного городка любил переселяться в самую среду Преображенских солдат. Так основался новый Преображенский дворец... К концу прошлого столетия дворец настолько обветшал от долгого запустения, что стал даже разрушаться, так что в начале 1800 года камень с него продан на своз с аукциона. Купил местный житель Лаврентий Осипов (из старообрядцев), суконный фабрикант; дикий камень был им употреблен на отделку своего дома, находящегося в Преображенском же, при Хапиловке; дом этот уже не существует, а место это ныне принадлежит бр. Носовым. Из кирпича его в Семеновском построен дом Гордова.

При распродаже дворцовой утвари и рухляди куплены Сорокиным «персоны» (портреты) прежних царей: Иоанна Грозного, Федора, Василия, Михаила, Алексея, Иоанна и царицы Натальи Кирилловны, которые впоследствии А.Е. Сорокиным (внуком купившего) переданы М.П. Погодину.

Рядом с деревянным дворцом в 1690 году были выстроены пристань, лесопильная мельница и корабельная верфь. Для этого самого дворца была заказана знаменитая Преображенская серия портретов царских любимцев, в которой среди прочих был портрет первого солдата Преображенского полка Бухвостова.

11 ноября 1699 года в селе Преображенском, вероятно в Ново-Преображенском дворце заключен Преображенский договор — союзный договор, заключённый между Саксонией, Польшей, Данией и Россией против Швеции.

Фридрих Вильгельм Берхгольц в своем «Дневнике камер-юнкера» за 18 января 1722 года пишет: «…завернули в Преображенскую слободу, чтобы взглянуть во-первых на дом императора, и, во-вторых, на небольшой корабль, в котором Его Величество сам будет ездить во время маскарада. Мы немало удивились, когда, подъехав к дому императора, узнали от нашего кучера, что мы перед императорским дворцом: это старинный, маленький и плохой деревянный дом, за который, судя по его наружности и место положению, нельзя дать и ста талеров. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простого человека; потому что в нем, по-видимому, нет и шести порядочных комнат, не смотря на то, что недавно к нему пристроен новый Флигель для принцесс. Стоит он в узком и дурном переулке, к которому с большой улицы ведет очень тесный проход, и окружен небольшим частоколом. Впрочем, и во всей слободе, которая есть не что иное, как деревня, совершенно отделенная от города и других предместий, нет ни одного порядочного дома, потому что кроме императора с его двором и солдат Преображенского полка, там не живет никто.» … «Потом мы проехали мимо Преображенского Приказа… С этого места дом императора кажется немного лучше, потому что стоит на горе и имеет открытый вид на поле, притом не окружен так частоколом, как с другой стороны; но и отсюда он все-таки никак не похож на дом императора: единственное различие между ним и другими окружающими его домами состоит только в том, что он немного побольше, имеет более конюшен и флигелей, и что оконные рамы в нем обиты красным сукном».

Потом в этом дворце, который фасадом выходил на Генеральную улицу, долгое время жила царевна Наталья Алексеевна. До 1709 года она занималась воспитанием царевича Алексея — сына Петра от Евдокии Лопухиной. После перевода столицы в Петербург здание пришло в упадок. В 1721 году дворец сгорел.

В 1722 году архитектор Иван Устинов построил новый царский дом в Преображенском, который был поставлен на прежних каменных основаниях. Но в 1724 году Пётр I поручил зодчим Петру Еропкину и Тимофею Усову спроектировать Преображенскую усадьбу на европейский манер. Однако из-за смерти царя в 1725 году это указание не было осуществлено. В 1802 году ещё можно было видеть развалины царского дворца, построенного в начале XVIII века, но вскоре от них не осталось и следа…

Параллельно Электрозаводской (бывшей Генеральной) улице существует улица Буженинова, одна из трех солдатских слободских улиц, названная в честь Степана Буженинова, бомбардира Преображенского полка, которому благоволил государь и даже останавливался в его доме. Две другие улицы Преображенской слободы тоже сохранили прежнее примерное расположение и носят названия Суворовская и Девятая Рота. Речка Хапиловка, в настоящее время направленная в подземный коллектор в этой части проходила примерно по линии железнодорожной ветки на Электрозавод.

П.В. Синицын дополняет, что при Петре на Генеральной улице были дома (деревянные) Ромодановского, Стрешнева и других сановников, а на улице Бужаниновой — бомбардиров Плещеева и кн. Касаткина, а также и Бужанинова, который был сержантом бомбардирской роты.

Также П.В.Синицын сообщает о нахождении в Ново-Преображенском дворце белокаменных резных Львиных ворот, ранее находившихся в Потешном кремлевском дворце: «Бывшие при дворце ворота поступили, в самых последних годах прошлого столетия, на женский двор Преображенского богадельного дома, построенного в 1771 году беспоповцем Илией Ковылиным, и ныне там находятся. Они недурны по своей орнаментации и хорошо сохранились.»

Ранее считалось, что Львиные ворота выкуплены Ковылиным после перестройки Потешного дворца (бывших палат Ильи Даниловича Милославского 1651 года постройки) в Кремле в 1806 году.

Синыцын также добавляет: в «Русской Старине» изд. А. Мартынова сказано, что эти ворота взяты из Измайловского дворца; но это едва ли верно, так как Измайлово находится не так близко от Преображенского, и объяснить передачу их оттуда «расколышкамъ» почти невозможно. Местные старожилы положительно говорят, что ворота эти находились в Преображенском дворце и перенесение их на означенный женский двор, по близости от дворца, более возможно. Самые ворота—деревянные с резьбою, притолки эти из камня (составленные из нескольких частей), с иссеченными полурельефными орнаментами; на верхней перекладине из двух камней также высечены два льва».

В Преображенском из них был собран портал для женского двора богадельного дома, а ворота получили новое имя: «Преображенские ворота» или «Преображенский портал». В начале 1930-х годов по инициативе архитектора-реставратора Петра Дмитриевича Барановского львы и резные камни, составлявшие портал, были сняты со здания богадельного дома в Преображенском и перевезены в музей «Коломенское», где и хранятся по настоящее время.

Нельзя не упомянуть хотя бы коротко о неосуществленном плане создания дворцово-паркового ансамбля на месте старых вышеописанных хором царя архитектора

П.М. Еропкина. Он начал создаваться незадолго до смерти Петра Алексеевича, в 1724 году (и продолжался некоторое время после его смерти). Более подробно, в академическом стиле, он (план) подробно изложен в книге О.С. Евангуловой "Московская архитектура и ее создатели. Первая половина XVIII века", хотя рисунков в книге нет. План Еропкина был составлен на 4-х листах. На последнем изображено все строение, оно имело форму покоев "П". Усадьба дворца, судя по словам Евангуловой, по пояснительным записям к рисункам самого Еропкина, должна была быть замечательной и целиком вписываться к рядом расположенным комплексам Старого Преображенского, дворцово-паркового ансамбля Н. Бидлоо (Лефортовский парк). По описанию Еропкина палаты создавались небольших размеров, деревья вокруг сберегались, вокруг нерегулярные цветники. Со стороны Яузы насыпалась земля на 1,5 метра высотой, так как почва у реки низка и редко просыхала. Планировалось создать *"лабиринт"*, беседки, большой пруд, который уже совсем отделан и в центре его *"островок"* , на *"котором имеет быть Пирамида со изображением деиствии военных над 4-ми статуами",* каскады прудов и фонтаны, *"поварни"*, *"конюшни"*, туалеты (*"нужники в стенах*"), статуи, по верху плотины (у нынешнего Преображенского моста) должны были располагаться другие палаты. Основной дом был почти закончен: комнаты в нижнем этаже отделаны штукатурной работой, готовы камины, полы и даже навешены двери. Готов и фронтон *("фронтошниц"),* обращенный к Яузе, отштукатурен и наполовину отделан и другой фронтон. Вставлено 16 капителей**,** вставлены и доделывались окна. В верхнем этаже заканчивались штукатурные работы, которые должны были быть выполнены к зиме 1725 года.

Лефортовский дворец.

Служившего в России с 1675 года полковника Лефорта в 1689 году с Петром познакомил Борис Голицин, так же склонный к иноземцам заказчик строительства в европейском стиле храмов и палат в Дубровицах, Марфино и Вязёмах.

В 1697-1698 гг. царь выстроил для Франца Лефорта огромный по тем временам роскошный дворец, располагавшийся на бровке обрыва правого высокого берега Яузы. Оттуда раскрывался панорамный вид на полковой лагерь. В настоящее время он занят Центральным военно-историческим архивом РФ.

Первоначально строительство дворца было поручено «каменных дел мастеру» Дмитрию Васильевичу Аксамитову. Он стал первым зданием в Москве, построенным в стиле «новой» архитектуры, хотя влияние более ранней, допетровской архитектуры еще очень чувствовалось. Здесь переплелись «московское барокко» и отдельные элементы стиля, который позже назовут «петровским барокко». Вдоль фасада на уровне второго этажа шли балюстрады. Венчали дворец высокие пирамидальные крыши с резными украшениями. Перед дворцом был выкопан декоративный пруд, разбит сад. К Яузе тянулись два канала. Чуть позже была построена декоративная терраса с двумя лестницами по сторонам.

12 февраля 1699 года, несмотря на незавершенность внутренней отделки, во дворце состоялось новоселье. Основные торжества проходили в Большой столовой палате — огромном помещении, построенном без сводов и опор, площадью 324 кв. м и высотой потолков 10 метров. Здесь впервые появились «в свете» русские женщины, жизнь которых прежде проходила весьма замкнуто.

Работы для Меншикова возглавил Джованни Мария Фонтана (1670-1712). Он пристроил к дворцу двухэтажные галереи-флигели, которые образовали большой прямоугольный двор по образу итальянских палаццо. По периметру галерей с внутренней стороны шла открытая аркада, заложенная в XIX веке. Со стороны улицы Коровий Брод (ныне 2-я Бауманская улица) была построена роскошная въездная арка. Объем здания тем самым увеличился более чем на 100 жилых помещений и большое число помещений хозяйственного назначения. Комнаты были отделаны в модном в начале XVIII века «китайском» стиле шинуазри.

Меншиковский дворец и сад в Семеновском (дом Шелаева)

Историк XIX века П.В.Синицын указывает, что село Преображенское, основанное царем Алексеем Михайловичем 1757-61 годах в дальнейшем разрослось широкими Солдатскими слободами уже на левой стороне Яузы, на возвышенности между устьем речки Хапиловки и заболоченным берегом Яузы. Семеновская слобода имела регулярный план застройки, 7 рядов улиц. Усадьба А. Д. Меншикова, примыкала к слободе занимая обширное пространство на её первой линии (улице) ближе к Яузе. Никаких точных привязок к датировке Семеновской усадьбы Меншикова нет, однако исходя из того, что в 1690 году Петр уже жил в законченном строительством в 1688-89 годах Ново-Преображенском дворце, располагавшемся на другом берегу Хапиловки (промышленная территория Электрозавода), а Меншиков в 1691 году зачислен в Семеновский полк, в 1693 денщик царя, появление его первого собственной усадьбы недалеко от царской резиденции можно отнести ко времени двадцатилетия Меншикова - 1693 году.

Для Петра I и его приближённых Семёновский дом Меншикова всегда был местом весёлых застолий. По сообщению автора сборника биографий кавалергардов 1901 года А.Голомбиевского, в 1698 году после возвращения из Великого посольства Меншиков возвел в своей усадьбе на берегу Яузы первые каменные палаты.

С самого начала царского служения дома Меншикова несли административно-государственные функции. Так в 1697 году Петр начинает реформу госуправления. Первым органом, привлекшим внимание царя, стал Приказ Большого дворца, штаты которого были сокращены на 30%. Сборы с дворцовых городов и уездов были переданы во вновь созданную 6 декабря 1702 года Семеновскую приказную палату, которая начала действовать на дворе Меншикова в Семеновском. 30 сентября 1703 года в главы-исполнители палаты был назначен Онисим Щукин с указанием «ему быть у своих государевых дел в Семеновском в приказной палате с кавалером и губернатором А.Д. Меншиковым». (Агеева стр.31)

В своих записках за 1702 год усадьбу упоминает голландский путешественник и живописец Корнелис де Бруин. Он описывает свое приглашение к его величеству, который находился в это время во дворце князя Меншикова, его главного любимца. Бруин сообщает о разговоре на счет живописных портретов с князем Александром, который довольно хорошо понимал по-голландски.

В ноябре 1705 года Дарья и Варвара Арсеньевы пишут Меншикову из Семеновского с пожеланием здоровья (Походная канцелярия). В 1706 году усадьба Меншикова сгорела. Как сообщает Есипов в статье 1875 года: «Слободской дом сгорел дотла, со всеми внутренними украшениями и драгоценностями в кладовых, стоившими больших денег.»

Узнавший об этом пожаре Пётр I в качестве утешения подарил Меншикову бывший Лефортовский дворец, пустовавший с 1699 года, как свадебный подарок, в

честь свадьбы Меншикова и Дарьи Арсеньевой, состоявшейся в августе 1706 года и 2000 рублей на обустройство нового дворца. Семеновская казенная палата была переведена в Потешный дворец.

Однако, согласно описи 1709 года, дом в Семеновском снова был восстановлен и использован для служебных целей размещения Семеновской (в дальнейшем Ингерманландской) приказной палаты, хранения казны и оружия. В дальнейшем, в 1717 году Ингерманландская канцелярия была преобразована в Военную коллегию, президентом которой был назначен А.Д. Меншиков.

Для жилья у Меншикова в Москве уже были Лефортовский дворец и усадьба на Мясницкой. По сведениям Гюйссена в мае 1711 года «большой пожар, бывший в Москве… превратил в пепел большой, хорошо мебелированный дом его светлости в Семеновской слободе, так что ничего не успели и спасти».

Описи и планы усадьбы в Семеновском первой половины XVIII века позволяют составить представление о доме. Восемь одноэтажных каменных покоев «глаголем» соединялись с главными воротами, которые образовывали такой же по размерам «глаголь» с конюшнями, сараями и другими службами. Дом был длиной 23 сажени (50 метров) по фасаду. Группы комнат располагались анфиладами. За палатами был вырыт прямоугольный пруд 34х23 сажени (73на50 метров). Парадный фасад был обращен на главную площадь Семеновского с Введенской церковью. К дворцу примыкали парадные ворота «по архитектурии дорическими ордерами».

В 1728 году, уже после падения Меншикова, Семёновская усадьба отошла в казну и долгое время не использовалась. В середине XVIII века на участке Меншикова были Прачечный двор дворцового ведомства с садом и прудом и Покровская полицейская часть, названная по Покровским улице и мосту. В 1797 году по приказу Павла I пруд спустили, на его месте образовалась площадь, названная по полковому храму Введенской (ныне площадь Журавлёва). По мнению некоторых исследователей, Покровская часть размещалась в здании съезжей избы.

В 1720 –1730-е годы полк переехал в Санкт-Петербург, и в Семёновском было дозволено селиться купцам и мещанам. Согласно плану Москвы 1739 года, Семёновская слобода насчитывала около 70 дворов. К концу XVIII столетия заметно возросло число купеческих домов. В 1778 году обветшавшие полковые строения в Семёновском были распроданы частным лицам.

Здание Покровской полицейской части в 1870-е годы было перестроено для купцов Степана и Тихона Шелаевых. В настоящее время это единственная предположительно сохранившаяся постройка усадьбы А. Д. Меншикова. Двухэтажный т-образный в плане каменный дом с эклектичным декором оформлен рустовкой; окна второго этажа обрамлены наличниками с треугольными и полукруглыми завершениями, центральная часть увенчана небольшим аттиком.

Головинский дворец и сад. Военный госпиталь. Проекты Николаса Бидлоо.

До настоящего времени в Лефортово от Головинской усадьбы петровского времени сохранился ряд дворцово-парковых элементов, измененных и дополненных последующими правителями, это прямоугольный Верхний Головинский пруд, питающийся водой из ключа, который в конце XVIII в. назывался Павловским.

Ф.А. Головин род. в 1650 г., умер 20 августа 1706 г., был боярином, московским губернатором, управляющим Посольским приказом, фельдмаршалом, в 1701 г. возведён немецким императором Леопольдом 1 в графы Римской империи. После смерти Лефорта в марте 1699 г. был назначен на его место генерал-адмиралом, вместе с этим

званием получил все иностранные дела. Первый кавалер ордена Андрея Первозванного, учреждённого 10 марта 1699 г.

Первые достоверные сведения об усадьбе Ф.А. Головина в Лефортове относятся к началу 1702 года. Из записок Корнелия де Бруина известно описание празднования бракосочетания сына Головина с дочерью фельдмаршала Б.Ф. Шереметьева.

На офорте А. Шхонебека 1705 года, иллюстрирующем отъезд Петра 1 из Головинской усадьбы, усадьба показана вытянутой вдоль русла Яузы.

На переднем плане, на левом берегу Яузы, – ряд богатых зданий, окруженный садами. Центральный дворец Головина, постройка которого была окончена в 1703 году, никак не выделен: виден лишь его боковой фасад. За рекой, на правом берегу Яузы, располагается Немецкая слобода, дворец Лефорта, и далее за холмами на горизонте Москва

В годы создания гравюры Петр I неоднократно бывал в доме Головина. Его торжественный выезд в коляске изображен на первом плане в центре. Среди всадников, окружающих экипаж, можно рассмотреть царевича Алексея и А.Д. Меншикова. Гравюра “оживлена” множеством бытовых сценок: помимо выезда Петра I изображены прогуливающиеся люди всех сословий, извозчики, остановившие лошадей и пропускающие царский кортеж, катающиеся на лодках в пруду при усадьбе Головина, пастухи, наблюдающие за пасущимися коровами и козами.

Большой чётко очерченный прямоугольник её, окружённый рвом, поделён на отдельные геометрически правильные ячейки, симметричные друг другу относительно центрального каре большого парадного двора. Двор с трёх сторон отделён от остальной усадьбы невысокими двухэтажными службами, а с севера плотным боскетом и прудом. Центральная ось композиции проходит от въездных ворот через пространство двора вниз к Яузе. Главные здания усадьбы: Головинский дворец с севера и зал для ассамблей с юга фланкируют парадный двор, являясь не центром его, а только равноправной частью системы, островком разумной деятельности человека на фоне природного ландшафта и хаотичной городской застройки Москвы за рекой. К парадному двору примыкают четыре увеселительные зоны: две северные с водными затеями – прудом, каналами, мостиками, пристанью с обелисками, две южные парковые – со сложными фигурными боскетами, деревьями, фонтанами, скульптурой и садовым павильоном, увенчанным куполом на световом барабане. За парковой зоной в третью линию расположено каре служебного двора и прямоугольник сада, и в четвёртую – скотный двор и огород. За прудами на север показана мельница, гумно, житный двор и людские корпуса. С севера от усадьбы через переулок показаны небольшие плотно застроенные высокими зданиями дворы других владельцев. Вероятно, появление здесь дворцового комплекса, часто посещавшегося царём, способствовало покупке жилых слободских дворов иностранцами и русской знатью и формированию аристократических кварталов, существовавших как часть Немецкой слободы до начала 1720 гг., когда дальнейшую судьбу района определило желание царя Петра устроить в Лефортове собственную усадьбу. Эти дворянские усадьбы хорошо видны справа от Московского военного госпиталя на рисунке Н.Бидлоо 1720 гг., а в записке Бидлоо 1722 года упомянут один из их владельцев: *«где от Солодовникова двора вода течёт в Венерин фантан, малую зделать Каскаду…»).*

Усадьба Ф.А. Головина, располагавшаяся на юге исследуемого квартала, положила начало формированию дворцового ансамбля в Лефортово и стала образцом

для будущих дворцовых комплексов Петербурга. Обе усадьбы, Головина и Лефорта, использовались Петром I для посольских приёмов и были фактически официальными царскими резиденциями до переноса столицы в Петербург (последняя после 1699 года была передана в казну, а в 1706 г. пожалована А.Д. Меншикову). Так в Головинском дворце 23 марта 1703 г. Пётр принимал посланника Людовика XIV Казимира де Балюза, а 24 февраля 1704 года устраивал ему прощальный приём (13). То, что эти усадьбы были скорее официальными, также подтверждается наличием в собственности и у Ф.Лефорта, и Ф. Головина жилых дворов в Немецкой слободе, упомянутых выше.

До настоящего времени в Лефортово от Головинской усадьбы начала XVIII в. сохранились прямоугольный Верхний Головинский пруд, питающийся водой из ключа, который в конце XVIII в. назывался Павловским, и кардинально перестроенная в 1730 гг., а потом в середине XIX в., плотина Венеры.

Огромное влияние на градостроительное формирование района, помимо Головинской усадьбы, оказало строительство в 1706-1707 гг. между Яузой и Лефортовской солдатской слободой «Генеральной военной гошпитали», основанной по царскому указу от 26 мая 1706 г. Большое количество раненых солдат и офицеров во время русско-шведской войны потребовало от царя кардинального решения проблемы их лечения. Госпиталь был открыт 21 ноября (2 декабря) 1707 года. При нём были основаны первые в России хирургическая школа, анатомический театр и музей. Там же был разбит аптекарский огород, в котором сам государь сажал растения. Постройка деревянных зданий госпиталя была возложена на виднейшего русского архитектора, строителя Меншиковой башни на Чистых прудах Ивана Зарудного. В документах 1706 г. он именуется иноземцем, как и другие украинцы и белорусы. В 1721 и 1737 гг. деревянные здания госпиталя почти полностью сгорели, но скоро были восстановлены.

Севернее Госпиталя, у Яузы, разместился загородный двор величиной 40х60 саженей главного госпитального и личного царского врача голландца Николая Бидлоо, сыгравшего значительную роль в истории района.

Николас Бидлоо родился около 1670 года в Амстердаме в семье известного аптекаря и ботаника, получил степень доктора в Лейденском университете и, согласно контракту, подписанному с русским послом Матвеевым 16 марта 1702 года, приехал в Москву в качестве личного врача Петра I. В Нидерланды Бидлоо больше не вернулся, а в 1707 году стал директором первого московского госпиталя (ныне Главный военный клинический госпиталь имени Н.Н. Бурденко).

В 1710 году голландец получил от Петра участок рядом с госпиталем, построил там усадьбу и разбил собственный сад, который назвал «Малым Эрмитажем». Здесь все напоминало о Голландии: чарующий вид на реку, сочетание утилитарного сада (прямоугольных участков с овощами, зеленью и плодовыми деревьями) и декоративного сада с прудами, гротами, классическими скульптурами, вазами и живыми изгородями. Этот четкий и ясный порядок резко контрастировал с нетронутой природой на берегу реки. «Малый Эрмитаж» следовал традициям нидерландских садоводов-любителей Симона Схейнфута и Питера де ла Кура, которым принадлежат важные трактаты по садовому искусству. Усадьба Бидлоо очень нравилась царю, и он поручил ему переделать старый Головинский сад в царскую загородную резиденцию на Яузе.

Бидлоо искусно использовал природный перепад высот, чтобы добиться эффектной игры неподвижной, бьющей и падающей воды. Сад в его исполнении напоминал холмистый парк Розендал недалеко от Арнема. Голландец проложил дамбы и каналы, придумал, как чередовать открытые пространства и беседки, расставил повсюду вазы и скульптуры.

Голландский «Эрмитаж», сыгравший огромную роль в развитии садового искусства в Москве, бесследно исчез. Теперь на его месте — разросшаяся территория госпиталя.

Ляйденским университетом опубликована коллекция рисунков, собственноручно выполненных Николаем Бидлоо и сопровожденных им же написанным «Очерком» и пояснениями. Она представляет несомненный интерес для историка архитектуры, что подтверждает сам автор рисунков: «Его Величество пожаловал мне маленький участок земли рядом с садом госпиталя, где я создал для себя сад и прелестную деревенскую жизнь, потворствуя в этом моим врожденным вкусам. И, как только этот сад, достаточно маленький, был удачно вписан в соответствующую географическую ситуацию, так прелестно посажен и выращен, он смог понравиться Его Императорскому Величеству настолько сильно, что я был почтен частыми визитами монарха, который приезжал сюда и при мне, и в мое отсутствие. В моих тяжелых и многообразных обязанностях он был моим наилучшим отдыхом и прекрасно способствовал моим занятиям и делам, которым я предавался здесь в уединении. Я решил нарисовать этот очень дорогой мне приют отшельника (hermitage), так чтобы, благодаря этим видам, где бы я ни был, я смог бы представить себе место, которое доставило мне столько удовольствия».

На 18 листах размером приблизительно 25 на 50 см Бидлоо изобразил виды своей усадьбы. На одном из рисунков — план сада. Усадьба располагалась на прямоугольном участке левого берега Яузы, слева от госпиталя, между рекой и Лефортовской слободой. Она объединяла в один комплекс хозяйственную и жилую зоны, имела две главные композиционные оси: центральную продольную аллею, идущую от Солдатской слободы к берегу Яузы, и поперечную, связывающую малые и парадные ворота, обращенные к госпиталю. Соединение в одном комплексе хозяйственной, жилой и развлекательной зон типично для загородных бюргерских усадеб Западной Европы. Об этом пишет и сам Бидлоо: «Мое искусство и наука полезны и тем и другим. Одно есть рассуждения, наблюдения, идеи, другое – украшение, напоминающее о прошлом. Все это может успешно поддерживать умение хозяйствовать, так успешно и существенно в человеческой жизни, созданной самим Богом, соединяя пропитание с удовольствием, а данный нам вкус, будучи врожденным практически у всех людей, от дворянина до фермера, располагает нас к жизни в деревне».

Виды своей усадьбы Н. Бидлоо, вероятнее всего, создал и описал после смерти Петра I, то есть между 1725 и 1735 годами. Архивных и мемуарных сведений об этой усадьбе чрезвычайно мало.

Пять золотых правил садового гения Бидлоо:

Первое правило — «водный сад»: планировка в духе Бидлоо предполагает, что должна максимально использоваться вода.

Второе правило — террасный сад: расположение на трех уровнях. Перепады рельефа нужно разумно использовать и подчеркивать, что сделает ландшафт более интересным и оригинальным, позволит обеспечить постоянную смену перспективы.

Третье правило — кабинетный сад: планировка в духе Бидлоо требует ясной структуры дорожек и зеленых элементов: они должны быть четко разделены по функциям и не менее четко взаимосвязаны, чтобы создавалась интересная игра впечатлений.

Четвертое правило — «сад сюрпризов»: для Бидлоо было важно, чтобы сад стал усладой и для зрения, и для слуха, обоняния и осязания. За каждым поворотом посетителя должны ожидать новые впечатления, а гроты, мосты и экзотические растения обеспечивают сюрпризы, которые хороши в любое время года.

Пятое правило — «в здоровом теле здоровый дух»: водный сад Бидлоо изначально задуман и как императорская резиденция, и как рекреационная зона госпиталя. Голландец считал, что связь с природой благотворно влияет на здоровье. Это и сегодня так, и эту связь в будущем надо развивать.

«Мы не видим монархов, отрекающихся от трона, консулов и генералов, отказывающихся от своего знатного положения, весьма образованных и мудрых людей, бросающих свою беспокойную жизнь и свои достижения, т. к. это выглядит не практично и не умно, но более разумным представляется мне искать отдых от всех этих забот в деревне — вот одно из главных доказательств необходимости садов», — писал Николай Бидлоо.

На территории госпиталя им. Н.Н. Бурденко установлена скульптурная композиция «Петр I и Н. Бидлоо» скульптора Л. Баранова.

В дальнейшем на территории около сада возникнут Дворцовая площадь, Оперный дом, Катальные горы и служебные постройки дворцового комплекса.

В связи с гибелью сыновей Петра I царевичей Алексея, а потом Петра - единственных его прямых наследников мужского пола, перед царём особо остро встал вопрос об упрочении брака с Мартой Скавронской и положения своих дочерей. В этих целях он начал готовить коронование Екатерины титулом императрицы Российской, для чего в начале 1722 года у наследников Ф.А. Головина была приобретена усадьба за Яузой.

(На выставке есть примечательная гравюра «Петр забирает Екатерину у Меншикова»)

Выбор места жительства на время коронования, вероятно, сознательно отошёл от старых московских резиденций. Рядом находились дворцы наиболее верных сподвижников, а сама усадьба Головина в силу малой освоенности окружавшей её территории (соседние дворы, несомненно, пострадали от пожара 1721 года, уничтожившего здания госпиталя) представляла хорошие перспективы для дальнейшего её развития. Значительную роль, возможно, сыграло наличие в большой усадьбе камерного дворца (как известно, Пётр не любил больших помещений), хороших, но начавших приходить в упадок голландских садов, близость реки и военного госпиталя, где он практиковал в анатомии.

Новая Головинская усадьба мыслилась Петром как конечный пункт строившегося водного пути через Ладогу: *«Я надеюсь со временем … ехать водой из Петербурга и в Головинском саду при реке Яузе в Москве встать».* Эта надпись и сегодня обращена к нам на Петровской беседке в Головинском парке у Грота Геркулеса.

Проектные чертежи Петровской усадьбы составлялись архитекторами И.Зарудным, И.Устиновым, П.Еропкиным и Т.Усовым на основе прямых указаний Петра I, а подготовку её к коронованию царь поручил обер-коменданту Л.В. Измайлову и доктору «Военной гошпитали» Н. Бидлоо. Причём Бидлоо волен был многое перерабатывать и изменять в постройках, отступая от чертежей.

Петр хотел превратить имение в «водяной сад» с дугообразными мостиками, искусственными островками и менажериями (птичьими домиками). В 1722–1723 годах Бидлоо занимался проектированием, а в 1724 году развернулось строительство.

12 мая 1722 г. Петр издал указ, отданный для исполнения Бидлоо:

« Надлежит тебе строить дом Головиных, которой куплен, по данным тебе рисункам, так же что ещё к тому более сам примыслишь.., в роще делать вновь огород по данному чертежу, Эремитажи, прудок (и с каменною стенкою вместо деревянной), какой у вас в огороде, где эхо даёт, минажерию (менажерея – павильон для певчих птиц) фигурою овалистою, кругом решётки из проволоки железной в рамках с пьедесталы и места, где уткам яйца несть, а на тех местах и на пьедесталах поставить Горшки, зделать Грот и по обе стороны каменную стенку с нишелями… »).

Под прудом с эхом царь, вероятно, имел в виду Крестовый пруд усадьбы Бидлоо. Место расположения устраиваемого грота указано Петром I близ мельницы, но Бидлоо перенёс его к Крестовому пруду. Велено было вырыть каналы, укрепив их берега, так же как и прудов, сваями и обсадив их штамбовым клёном, выровнять землю для сада, разделив его на 4 участка, каждый с фигурной площадкой в центре, места вокруг сада засадить густым диким лесом (липой, клёном, вязом, ясенем, орешником), устроить крыгую дорогу *«через дерево липу и клён, для того через дерево, что липа гуще снизу растёт, а лениво кверху, а клён кверху скоряя, для чего у клёна надобно снизу все сучья обрезывать».* Основной парадный въезд в Петровскую усадьбу планировался в парке на северном конце шпалерной дороги, со стороны усадьбы Меншикова и Солдатского моста, в тот период единственного. Там была предусмотрена караульная будка. Другой короткий въезд был направлен прямо к палатам Головина от южных ворот со стороны перевозного плота.

Приезд царя на жительство в Лефортово для коронации Екатерины I ожидался весной 1724 г. В 1723 году был составлен генеральный план Петровской усадьбы. Он показывает, что в её территорию вошла собственно старая усадьба Ф. Головина, занявшая среднюю часть этого плана и территория дворов других владельцев к северу от дома Головина, вероятно, сгоревших в пожар 1721 года и купленных Петром. Границы её на востоке проходили чуть выше Головинского пруда, на западе по берегу Яузы, на юге по существующей границе Лефортовского сада и по Красноказарменной улице, а на севере усадьба граничила с садом Меншиковского, бывшего Лефортовского дворца, распространившимся на другой берег реки.

Ко времени составления плана были проведены основные земляные работы. В них участвовала тысяча солдат Московского гарнизона. Были сделаны каналы для

небольших судов и пруды, поддержанные по деревянным сваям насадками. Через каналы перекинули поворотные голландские мосты. Основной канал шёл вокруг большого четырёхгранного острова с аллеями из липовых шпалер и куртинами. Остров и окружавший его канал назывались под Славою по сооружённой в центре трельяжной беседке, выкрашенной синей краскою и увенчанной золочёной женской фигурой воинской славы. Был выкопан канал, образовавший Восьмигранный остров, на котором также стояла тёсовая, обитая парусиной, беседка с проволочными стенами – менажерия для мелких птиц, с вазоном на крыше. По некоторым источникам Семигранного, что подтверждается и недавними археологическими исследованиями центра А.Г. Векслера.

Для спуска к каналу использовали старинные каменные лестницы с чугунными ступенями и площадку с выстилкой из чугунных плит, имевших одинаковые рельефные надписи: се *созидали по молитве князей Ивана Петровича и Матфея Петровича Гагариных в 1702 году».* Известная по описям, выстилка из чугунных плит размерами 51х51 и 72х72 см найдена во время археологических изысканий мастерской А.Г. Векслера. Судя по надписям, она относится ко времени Ф. Головина, но указывает имена других владельцев – Гагариных, которым, возможно, принадлежала территория ниже усадьбы адмирала – к Яузе. Однако не исключено, что плиты имеют вторичное использование.

Углубили и вычистили Большой пруд, для чего насыпали плотину у Яузы. На пруду сделали два острова с беседками. Рядом с Большим прудом насыпали остров, на котором устроили ещё одну менажерию с гнёздами для уток и других водоплавающих птиц в виде овального каменного бассейна с фонтаном, накрытого высокою проволочною решёткою. Выкопали Крестовый пруд. Вынутую землю использовали для засыпки и выравнивания болотистых мест под намеченную рощу на Четырёхгранном острове и лучевой планировки на Овальном. Из елей и штамбовых лип сделаны были аллеи, окружившие всю усадьбу до берегов Яузы, и шпалерная дорога, ставшая основной композиционной осью парка. Из намеченных деревянных служебных построек были поставлены, вероятно, только караульни. Десять царских деревянных светлиц, которые Бидлоо предложил поставить на восточный одноэтажный корпус бывших служб Головинского дворца, чтобы использовать последний под *«погребы, закромы, хлевы, курятник, место, где уголье класть»,* конюшенный двор, поварня, пекарня, баня, двор садовника, ещё не были построены, но должны были быть сооружены к приезду двора.

Ко времени коронования Екатерины I сделали указанные выше деревянные беседки по проекту архитектора Ивана Зарудного, пять поворотных голландских мостов на каналах, три крытые дороги и две каменные плотины с гротами. **Одну белокаменную плотину возвели у Крестового пруда, украсив её полуциркульный фронтон барельефом с изображением Петра с символами Истины и Мудрости, а по сторонам – изображениями подвигов Геркулеса. В её центральной нише на полукруглой белокаменной площадке была установлена статуя Геркулеса с поверженным и окованным цепями Цербером, из трёх глав которого фонтанировала вода. По сторонам лежали два каменных золочёных сфинкса, из сосцов которых также текла вода.**

Старая плотина, находившаяся между Головинским прудом и Восьмигранным островом, была облицована белым камнем. В центральной части её располагался портик с 4 колоннами и большой нишей, в которой находилась фонтанная статуя Венеры с двумя голубями у ног. Венера стояла на раковине,

поддерживаемой спинами двух китов, из ноздрей и уст которых била вода. По сторонам от центрального портика плотина была украшена пилястрами и 4 малыми нишами с фонтанами (два свинцовых золочёных дельфина и два маскарона). Под плотиною на продолговатой с полукругом в центре площадке, выстланной чугунными плитами, о которых говорилось выше, из каменной горки бил мощный фонтан с 80 свинцовыми трубками. В углах этой площадки стояли «*Купиды золочёные, которые на лебедях Венериных сидят» (25).* Из голов лебедей также били фонтаны. Не исключено, что приведённые описания плотины Венеры и грота у Крестового пруда, выполненные на основе описей 1733 и 1793 гг., содержат многие дополнения, сделанные по чертежам Растрелли 1730-1733 гг.

Работы по этим плотинам и саду должны были быть выполнены к 1724 году. Перечень их соответствует фиксационной описи Анненгофского сада, составленной в 1733 году, т.е. они были выполнены.

После смерти Екатерины I, интригами Меншикова на престол не взошли ее дочери Анна Голштинская или Елизавета, а внук Петра 14 летний Петр II, с капризным характером которого Меншиков и не совладал и в результате заговора в созданном им же Верховном тайном совете попал в опалу. После реквизиции в 1727 году имений у А.Д. Меншикова малолетний император, приехавший на коронацию, разместился в Немецкой слободе во дворце Лефорта. Располагавшийся на восточном берегу Яузы между Военным госпиталем и Петровской усадьбой сад Меншикова со своим подковообразным прудом отошёл к последней. В Петровской усадьбе жил с семейством находившийся в большой дружбе с Петром II Алексей Григорьевич Долгорукий. Там, в Головинских палатах, в январе 1730 года после смерти от оспы императора Иваном Долгоруким было написано подложное завещание о наследовании престола нареченной невестой государя Екатериной Долгорукой, из-за которого всё это семейство подверглось казням и ссылке (28). Производились ли какие работы по парку в царствование Петра II, неизвестно.

Анненгоф. Летний и зимний дворцы Анны Иоанновны.

Имперский расцвет Лефортова начался с воцарением в 1730 году императрицы Анны Иоанновны, которая своё восшествие на престол праздновала в Головинских палатах, устроив там 28 апреля бал и фейерверк. Не намереваясь переезжать в Петербург, она сразу приступила к устройству собственных дворцов в Москве. Для зимнего пребывания был выбран Кремль, а для летнего - Головинская усадьба и Измайлово, в которое она переехала в июле 1730 г. Летом 1730 года указом императрицы 22 придворных сада, кроме Головинского и соседнего с ним богатого охотой и имевшего зверинец Измайловского, остались за обиходом и были отданы на откуп.

В июле 1730 года по проекту молодого придворного архитектора Бартоломео Растрелли под руководством архитектора А.П. Евлашева было начато строительство зимней резиденции – Кремлёвского Анненгофа. Осенью 1730 г. отец и сын Растрелли подготовили первую модель Летнего Анненгофа в Лефортове, а 19 января 1731 г. последовал высочайший указ о начале строительства этого дворца.

К Петровской усадьбе были прибавлены расположенные с восточной стороны земли села Карачарова, с северной – левобережная территория Лефортовского дворца,

конфискованного у А.Д. Меншикова на рубеже 1727 – 1728 гг., с юга – Андроньевский луг.

Новый большой дворец был поставлен на бровке холма присоединённой верхней береговой террасы Яузы по одной оси с Крестовым прудом. Уже 15 мая 1731 г. дворец именовался «новопостроенным», и началась отделка его интерьеров. В нём императрица провела всё лето 1731 года, посещая часто гвардейский лагерь, располагавшийся на лугу перед дворцом.

Одновременно под руководством Карла и Бартоломео Растрелли начались работы по парку, направленные на создание панорамной композиции, смыкающейся на новом Летнем дворце и тяготеющей уже не к голландским камерным садам, а к французским и итальянским партерным. В работах при Головинском саде принимал участие дворцовый садовник голландец Тимофей Брандхоф, получивший эту должность ещё при Петре II. В 1733 году, когда сад от полковника Васильчикова был передан Гоф-Интендантской конторе, Брандхоф сменил Николая Бидлоо на посту главного смотрителя сада (33). В помощники к нему на время был придан француз Денис Брокет, работавший с 1710 года в Стрельне и Екатерингофе. В документах того времени нижний старый сад продолжал называться Головинским, а верхний новый – Анненгофским.

Устройство новых участков парка на верхних надпойменных террасах Яузы требовало большого притока воды. Для обеспечения действия дворцовых фонтанов использовали речку Синичку. Для подъёма уровня воды её исток соединили открытым каналом длиной в две версты с прудом у южного угла дворцового Измайловского зверинца, питавшимся водой речек Серебрянки и Нищенки. Ниже, недалеко от нового Анненгофского дворца, в районе современного Немецкого кладбища, на Синичке была устроена запруда, из которой вода также по открытому каналу должна была поступать в спроектированный на лугу перед восточным фасадом дворца огромный Анненгофский сад, где для скопления её был устроен бассейн. Оттуда по чугунным трубам она доставлялась в нужные уголки парка. Князь И.П. Тюфякин в 1792 г. описывал бассейн и водную систему парка следующим образом: *«Бассейн оный стоит выше реки Яузы в самом конце Анненгофского сада, в которой посредством открытого и нарочно сделанного канала из имевшегося озера неподалёку от Измайловского зверинца была проведена вода ещё в царствование Государыни имп. А.И., и тот бассейн был хранилищем воды, из коего то ж вода ведена была открытым же каналом в тот Анненгофской сад, а потом посредством труб чугунных разветвлялась по назначенным местам, приведена была к фонтанам и каскадам, которые тогда существовали в Анненгофском ЕИВ саду и пред дворцом по силе опробованного ЕИВ за подписанием собственныя ея руки особого на то плана»*.

В 1731 году расширили старый открытый канал рубежа XVII-XVIII вв., проходивший по восточной границе Головинского сада. Он был использован для устройства П-образного обводного канала, который должен был охватить с трёх сторон новую резиденцию императрицы. С его строительством началось обустройство верхнего партера парка. Вероятно, именно в эти годы, при Анне Иоанновне, а не раньше, ниже канала был разбит предусмотренный ещё Петром 1 и Бидлоо партер, спустившийся от Обводного канала к Крестовому пруду и положивший начало формированию основной композиционной оси Анненгофа, направленной к Яузе.

Все скульптуры, свинцовые для фонтанов и алебастровые для сада, выполнялись по эскизам и моделям Карла Растрелли-отца. В отливке статуй до 1732 года участвовали «*статуйный и пьедестальный мастера»* Кобелев и Серебряков и литейщик Андреев, потом отозванные вместе с Бартоломео Растрелли в Петербург. Возможно, что тогда же были существенно дополнены скульптурные фонтанные композиции плотины Венеры и грота у Крестового пруда, так как описания их сильно напоминают фонтанные группы Растрелли.

В саду устроили первые «ранжереи», павильон Монплезир. Дворцовые менажерии за время пребывания в Москве Анны Иоанновны, страстно любившей птиц и охоту на них, обогатились настолько, что в них появились даже страусы, а при попугаях состояла особая смотрительница, немка Варленд, учившая их говорить.

Известно, что страстью фаворита царицы Бирона были лошади, а «лошадиной школой» в то время назывались конские манежи. Анненгофский манеж, видимо, находился в северной части парка у Гавани, на террасе Большого каскада.

После отъезда Ф. Растрелли работы по саду принял на себя Карл Растрелли. Но ход их сильно затормозился, так как основные финансовые потоки сосредоточились на Зимнем дворце Петербурга. В Петербурге Ф. Растрелли выполнил вторую модель Анненгофского сада. На вновь присоединённых к Головинской усадьбе землях ещё первой моделью была предусмотрена разбивка огромного регулярного прямоугольного верхнего сада, распространявшегося к востоку от нового Летнего дворца в сторону Измайловских лесов. В 1735 г. приступили к его реализации. Граф Левенвольде известил 14 апреля этого года тогдашнего генерал-губернатора Москвы В.Ф. Салтыкова, что *«Ея Императорское Величество имянным указом изволила указать Анненгофской Дом и Огород по посланной отсель опробованной модели отделывать и на то строение выдать из соляной суммы 30000 рублей».* усадьба Салтыкова находилась также в Лефортово, в районе современны Самокатной -Волочаевской улиц.

«Новой моделью» парка отрезалось из Солдатской Лефортовской слободы *«многое число обывательских дворов, даже до церкви и далее.* Скорее всего, земли Солдатской слободы вошли в состав Дворцового сада после знаменитого пожара Москвы на Троицу **29 мая 1737 года, когда сгорело пол-Москвы. В исследуемой местности сгорели тогда Немецкая слобода, Лефортовский дворец, дом Бидлоо, с которого начался пожар на восточном берегу Яузы, Генеральный госпиталь и вся Лефортовская слобода с церковью Петра и Павла**.

Для исполнения проекта и разбивки места под сад из Петербурга был прислан гезель (помощник архитектора) архитектуры Федот Шанин. В помощь ему и местным садовникам было взято несколько «садовых *учеников»* из села Горенки, усадьбы графа Якова Брюса, для которых сделали даже специальную форму: серые камзолы, красные кафтаны, «козлиные» штаны. Для устройства сада из Измайлова и Коломенского привезли 6000 елей и 35 тысяч лип.

Растрелли было велено *«устроить кашкады в 10 саженях от хором, крешпенденцию водой, чтоб из канала в канал можно было судном ездить, для чего сделан подъёмный мост, косые дороги, по которым можно было ездить каретами, наконец, особый сад Вавилон, или Лабиринт».* Регулярный верхний сад по типу Версальского, расположенный вокруг Летнего дворца, по модели Растрелли должен был состоять из четырёх основных парковых зон. На площадке между

Обводным каналом и Летним Анненгофом была построена каменная стена знаменитой «большой *кашкады»,* где должна была стоять в окружении 20 статуй тритонов статуя Самсона (по другим источникам Геркулеса), побеждающего семиглавого змея.

Как общее звено центральной композиционной оси парка за каскадом была разбита зона Верхнего партера с пятью фигурными фонтанами. На север от неё во второй парковой зоне началось так и незаконченное строительство лодочной гавани, на юге проектом предполагался огромный боскетный сад Лабиринт. Четвёртая главная зона парка распространялась на восток и была столь велика, что по границам её ныне проходят с запада – Краснокурсантский проезд, с севера и востока, вплоть до метро, Авиамоторная улица и с юга проезд завода Серп и Молот. Эта парковая зона получила название Анненгофской рощи, и с ней связана известная легенда о высадке её в одну ночь и в последствии, спустя почти два столетия, факт исчезновения в один день от урагана.

Удачное воплощение архитектурных идей Б.Ф. Растрелли привело к тому, что уже в 1736 году Анна Иоанновна решила сделать Лефортово своей постоянной резиденцией и велела перенести туда немедленно Зимний Анненгоф из Кремля. Указ о переносе Зимнего дома был подписан 27 марта 1736 г., дворец был разобран, а уже в октябре все работы по восстановлению его в Лефортово и по новым пристройкам были закончены.

Растрелли поставил Зимний дворец к югу от Летнего Анненгофа на Андроньевском лугу, несколько ближе к берегу Яузы, захватывая часть неосуществлённого из-за этого Лабиринта. Дворец имел план в виде прямоугольного каре, разделённого на два внутренних двора. Торцевыми фасадами он был обращён к реке и Анненгофской роще, протяжёнными – на обводной канал и на юг к лугу. Южный фасад был главным. Здесь располагался парадный въезд. Недалеко от канала была сооружена домовая Воскресенская церковь.

В 1737 году от пожара сильно пострадал бывший дворец Лефорта на другой стороне реки. Работы по его восстановлению были поручены вновь Б.Ф. Растрелли, который включил его в общую композицию Анненгофа, соединив садовые зоны обоих дворцов стационарным мостом. Фасады Лефортовского дворца, обновлённые барочной отделкой, выкрашенные, как и Анненгофские дворцы, жёлтой сочной охрой с белоснежной окраской деталей, соединённые зрительно новыми осевыми построениями обоих парков, проходившими через Фигурный Меншиковский пруд, образовали общий для двух берегов Яузы ансамбль.

Устройство Аннегофского парка велось с перерывами в течение всей второй половины 1730 годов. Большие работы по Анненгофскому Летнему и Зимнему домам и парку были произведены в 1739-1740 гг., но закончены они не были (47).

К концу царствования императрицы Анны Иоанновны характер дворцово-паркового ансамбля Лефортова радикально изменился. Камерность Головинского дома и сада, параллельного руслу Яузы, в результате архитектурной деятельности Растрелли были поглощены новой монументальной репрезентативной барочной композицией, ориентированной перпендикулярно первоначальной – к Яузе, развернутой лицом к

древней столице и приобретшей размах, присущий императорским резиденциям Петербурга и Европы.

Дворцово-парковый ансамбль Анненгофа, благодаря применённому террасному построению, позволявшему визуально целиком воспринимать дворец, партеры, каскады, каналы, фонтаны и пруды, эффектно воспринимался ещё на дальних подъездах к нему как сооружение, масштабное силе и мощи имперской власти.

Сформированный Анненгофский ансамбль был столь велик, что построенный в 1732 г. для прекращения ввоза вина и сохранения торговых интересов компанейщиков (винных откупщиков) Компанейский вал, ставший новой городской таможенной границей, в 1742 г. укреплённый и переименованный в Камер-Коллежский, обрывался с двух сторон у ограды Анненгофской рощи, которая уходила далеко на восток за вал – границу Москвы.

Елизаветинский Новоголовинский дворец.

Дальнейшее развитие Лефортовского ансамбля связано с подготовкой к коронации Елизаветы Петровны. В декабре 1741 г. в Москву с заданием приготовить к предстоящим торжествам Зимний Анненгофский и Лефортовский дворцы и дом *«бывшего Василия Фёдоровича Салтыкова»* был направлен главный архитектор Петербурга Михаил Земцов с учениками Андреем Квасовым и Иваном Казаковым.

На Земцова, в связи с недолговременной опалой Растрелли-сына, были возложены обязанности придворного архитектора. Несмотря на срочность производимых работ, оконченных в конце февраля 1742 года к приезду Елизаветы, помимо простого подновления двух дворцов, имевших *«премногое множество» «как починок, так и недоделок»,* зодчий минимальными средствами сумел изменить акценты в восприятии Лефортовского дворцового комплекса.

Со стороны южного фасада Зимнего Анненгофа, ранее выходившего в открытое поле, в 1742 году была оформлена обширная дворцовая площадь, замкнутая каркасным сооружением Иллюминационного театра, предназначенного для фейерверков, построена Гауптвахта, а для охраны дворца – здание арсенала, так называемый Полевой двор. Восточнее Зимнего дворца выстроили хозяйственный двор. Площадь была окружена новою прекрасною высокою решёткою, а при въезде были построены Триумфальные ворота. К этим работам вскоре вновь был подключен Б. Растрелли, основными постройками которого стали дворцовый театр – Оперный дом на берегу Яузы и пристройка к южному торцу Зимнего дворца нового Тронного зала (ансамбль новой площади занял пространство соседнего с исследуемым квартала, расположенного на чётной стороне Красноказарменной улицы). Летний дворец был исключён из программы коронационных торжеств и даже не был назначен к предварительному осмотру М. Земцовым. Постройка Головинского деревянного моста через Яузу, позднее переименованного в Дворцовый (до этого переправа была организована с помощью 4 понтонных мостов), выводившего с одной стороны к сооружённым в Немецкой слободе Малым Триумфальным воротам, а с другой к Зимнему Анненгофу, создала дополнительную композиционную ось, оптически расширив границы ансамбля и

обогатив его. С постройкой Дворцового моста вместо плотовой переправы центр императорской усадьбы переместился в южную часть исследуемого квартала. В результате работ, произведённых в конце 1741 – начале 1742 гг., составилась сложная многоплановая панорамная архитектурно-парковая композиция дворцового ансамбля, рассчитанная на многие точки восприятия.

В Зимнем Анненгофе Елизавета Петровна дала 1 мая 1742 года большой коронационный обед. В Оперном доме в день коронации был сыгран великолепный спектакль на итальянском языке. Он состоял из оперы “Clemenzo di Titto” («Титово милосердие»), аллегорической интермедии *«Опечаленная и вновь утешенная Россия»* и балета *«Радость народа, появление Астреи на Российском горизонте и о восстановлении златого века».* По воспоминаниям современников, балет, поставленный Антонио Ринальдо Фузано, привёл публику в неимоверный восторг. Летом того же года императрица давала во дворце аудиенции иноземным послам, а 19 сентября 1742 г. в него были доставлены шведские трофеи, присланные маршалом Ласси из Финляндии и с триумфом провезённые по московским улицам. В дворцовой церкви 28 июня 1744 г. приняла православие и на другой день была обручена с наследником престола великим князем Петром Фёдоровичем принцесса Ангальд-Цербская, впоследствии Екатерина II.

Поскольку **императрица Елизавета ненавидела Анну Иоанновну и мечтала полностью изжить память о ней, название Анненгоф было забыто, и дворцовый комплекс как в Петровские времена стал называться Головинским домом**, что было подкреплено особым царским указом от 29 февраля 1744 года. По этой же причине Елизавета предпочла расположенное рядом село Покровское-Рубцово, в котором в 1743 году Растрелли закончил для неё новый каменный дворец, а позднее подмосковное Перово, где она возможно *венчалась* с графом Разумовским.

Почитая, однако, память своего великого отца, Елизавета Петровна **неустанно поддерживала Головинский дом, несмотря на череду глобальных пожаров, которые раз за разом истребляли дворцы**. При этом, воспринимая ансамбль Лефортова сугубо сквозь призму собственных пристрастий, Елизавета решала его судьбу, исходя, прежде всего, из приоритета своих личных воспоминаний детства и юности, связанных с усадьбой Петровского периода. В известной степени она предпринимала попытку реставрации Головинского сада, насколько это было возможно в рамках того времени. Прежде всего, это касалось планировки парка и садовых затей. В 1743 году были начаты работы по починке «в *Старом саду, где был Головинский канал, прудов и берегов подле реки Яузы», к* тому времени настолько заросших и заболоченных, что в них расплодилось огромное количество лягушек, которых было приказано ***«выловить и вывезти, куда следует»***. Для ремонтных работ по Головинскому саду в 1744 году в Москву были направлены каменных дел мастер иностранец Юрий Кинель и *«фонтанных дел мастер из дворян»* Григорий Рылеев (52). В 1744 году вышел указ императрицы о строительстве *«каменной стенки для заморских деревь»* – новой оранжереи, которая была поставлена вблизи северного рукава Большого канала.

В 1746 году **полностью сгорел Летний дворец Анны Иоанновны**. Императрица не захотела его восстанавливать, и остатки дворца до фундаментов были разобраны. Частично пострадал и Зимний Анненгоф, особенно его северная часть, ближе всего расположенная к Летней резиденции.

Новый летний деревянный дворец проектом 1746 г., выполненным архитектором И.К. Коробовым при участии Ф.Б. Растрелли, было решено развивать на месте корпусов старого дворца Ф.А. Головина и Петра I. Работы велись архитектором А.П. Евлашевым. Длинный Г-образный в плане корпус Летнего дворца был развёрнут вдоль Дворцовой площади и ориентирован перпендикулярно Яузе в направлении Головинского пруда. Новый Летний дворец включил в себя Большие Головинские палаты петровского времени. Малые палаты были снесены.

В 1747 г. была разобрана северная половина Зимнего Анненгофа: *«из Анненгофскому дому покои (флигелья) разобраны и переведены»* в Перово, построены новые деревянные кавалерские флигели (55). В 1749 году Головинский Зимний дом был перестроен *«по передней линии с пристройкой к оному вновь покоев».* Новый Летний и перестроенный Зимний дворцы соединили крытыми переходами, промежуточным средним звеном межу ними стала заново выстроенная в 1748 году деревянная Воскресенская церковь, в 1752 году украшенная картинами живописца Горяинова. Оконченный к 1752 году ансамбль двух дворцов Елизаветы Петровны, объединённый галереями и большим внутренним двором, был дополнен поставленным на восток от Зимнего дворца Г-образным в плане деревянным корпусом наследника престола Петра Фёдоровича и его супруги Екатерины Алексеевны. Дворец цесаревича был продолжением дворцового комплекса, соединялся с ним крытым переходом и замыкал парадный плац перед дворцом с востока.

В целом комплекс елизаветинских дворцов типологически во многом напоминал планировку древнерусских хором, где разнообразные по функциям назначения помещения выделялись в отдельные объёмы-связи, соединённые друг с другом. Но, несмотря на сложность объёмно-планировочного решения ансамбля, занявшего огромную площадь, он воспринимался как единое здание, так как в отличие от памятников древнерусского искусства все составляющие его части были однородны по высоте и архитектурному декору. Новый Головинский дворец был окрашен в традиционные для дворцов Лефортова жёлтый и белый цвета, из-за чего москвичи называли его Жёлтым дворцом.

В это же время велись работы по Головинскому саду. В 1749 году по проекту А.П. Евлашева была выполнена решётчатая ограда вокруг сада с двумя въездными воротами, украшенными рустом и вазонами с цветами, а также построены новые оранжереи. В 1751 году чинились деревянные Земцовские беседки, выстроенные в 1724 г., в 1752 г. были построены 4 моста через каналы и деревянная галерея в парке на верхней площадке грота.

Новый «Головинский дом» едва был окончен, как вновь сгорел в пожар 1 ноября 1753 года: *«Загорелась кровля от трубы над небольшим залом».* Только что отделанные покои наследника престола, тронный зал Растрелли и сохранившаяся часть старого Зимнего Анненгофа сгорели. Уцелели лишь каменные подклеты новой части Головинского дома, вытянутые в сторону реки.

Через три дня, 4 ноября, последовал указ о немедленной отстройке нового деревянного одноэтажного дворца. Работа, учитывая погоду, велась в неимоверных темпах. Тысячи людей трудились непрерывно днём и ночью при свете огромных факелов. Архитектурная команда обоих столиц была брошена на стройку. Общее руководство осуществлял обер-архитектор граф Бартоломео де Растрелли, представивший план новому дворцу. Под его командой работали князь Д. Ухтомский,

А. Евлашев, А. Кокоринов, А. Антропов, И. Жеребцов, К. Бланк, В. Обухов, братья Иван, Семён и Василий Яковлевичи Яковлевы, молодой В. Баженов. Из Малороссии был срочно вызван Андрей Квасов. Плотничными работами руководил мастер Эхт, а каменными – Венс.

Выстроенный на старых подвалах, Зимний дворец сохранил план рубежа 1740-1750 гг., но новый тронный зал его был соединён с Воскресенской церковью и через неё – с деревянным летним корпусом, вставшим на месте снесённых Больших Головинских палат. Зал строил князь Дмитрий Ухтомский по чертежам Растрелли. Главный фасад этого Головинского дворца был снова обращён на юг к площади, по углам были пристроены дуговые пандусы с ограждением из балясника и в центре фасада – парадное крыльцо сложной барочной формы. Основные строительные работы были окончены через месяц в декабре 1753 года, но в 1754 году были снова возобновлены, а в 1755 году встал вопрос о восстановлении покоев Петра Фёдоровича и о перестройке каменных палат за тронным залом Зимнего дворца.

В результате пожаров и перестроек елизаветинского дворца основная ось Дворцового сада вновь протянулась вдоль берега Яузы. Сад из-за смены акцентов начал утрачивать композиционную структуру террасного парка. Кроме того, более важным становилось его промысловое, а не архитектурное значение, поскольку двор почти постоянно находился в Петербурге. В связи с этим ещё в 1751 году было впервые позволено пропускать для прогулок в Головинский сад желающих людей дворянского звания во время отсутствия в Москве Елизаветы Петровны. Главный садовник Тимофей Брандхоф, по-прежнему служивший в этой должности, обеспечивал такое изобилие редких тропических фруктов, что, по словам историка И. Забелина, ***«фруктов в оранжереях было настолько много, что они не только удовлетворяли нужду двора, отсылаясь в СПб., но ананасы, персики, виноград, бергамоты, апельсины, цитроны даже продавались за излишеством»***. Только на отопление огромного количества оранжерей отпускалось ежемесячно 45 кубических саженей дров.

Сохранился план Головинского дворца со всеми строениями и садом, выполненный архитектором К.И. Бланком и запечатлевший все существовавшие в то время постройки, в том числе и 1753 года, а также фундаменты сгоревшего дворца Петра Фёдоровича. Вероятно, он соответствует *1755* году, так как в этот год в Санкт-Петербург были затребованы планы Головинского дома, сгоревшего Лефортовского и Кремлёвского дворцов. План Бланка даёт очень полное представление как о структуре всего дворцового ансамбля в середине XVIII века, так и исследуемого квартала, которому он был почти адекватен. Границы квартала в это время можно определить по ограде комплекса. С севера она проходила по-прежнему по старым границам Меншиковского сада и церкви, но с выключением выходившего за межу дворцового сада старого ветхого двора, располагавшегося по главной оси парка и подлежавшего разборке, а также треугольного участка слободской земли, спускавшегося к Яузе. С запада граница квартала шла по реке. С востока территория квартала включала современный Краснокурсантский проезд и весь начинавшийся за ним Верхний Анненгофский сад, к тому времени начавший дичать. С юга в него включалась вся территория Андроньевского луга (т.е. место, где ныне располагаются военные казармы по Красноказарменной улице, 2-4 до Танкового проезда). Въезды во дворец находились: 1) главный – через деревянный Головинский мост 2) от Оперного дома 3) через сносимый двор на Госпитальной 4) там же по оси верхнего партера и 5) за церковью Св. Ап. Петра и Павла при въезде в современный Краснокурсантский проезд. Ещё один вход существовал из верхнего сада. В этой стороне, на территории, прилегавшей к

Госпитальной площади, располагались деревянные дома садового мастера Фока и его учеников.

После смерти Елизаветы Петровны в короткое царствование Петра III работы по дворцу и Головинскому саду не успели развернуться. По указу императора в 1762 году были сделаны дополнительно 131 звено решётчатой ограды и двое ворот с калитками от церкви Петра и Павла до скотного двора, а в ограде от церкви до придворных конюшен ещё четверо ворот. Проект ограды и ворот выполнил архитектор Иван Жеребцов, смета была составлена К.И. Бланком (б9). Чуть позже дворцовые конюшни и обслуживавшая их конюшенная слобода были вынесены в район современных Сторожевой и Синичкиной улиц.

****

Екатерина II не любила регулярные французские сады и фонтаны, которые филофоски считала противоестественным течением воды и насилием над ней. При строительстве нового Екатерининского дворца **ради экономии белого камня Контора строения ЕИВ домов и садов с разрешения императрицы дала распоряжение разобрать Большой каскад верхней террасы сада. Белый камень «от гротеса» в соответствии с рапортом К.И. Бланка от 7 мая 1781 года пустили в перетёску на строительство нового дворца, а в 1782 году срыли основание каскада, устроив вместо него плавный откос, спускавшийся к каналу, и укрепили берега Анненгофского канала.**

****

Построенный екатерининскими архитекторами Ринальди-Бланком-Кваренги дворец на месте поврежденного пожаром и разобранного Елизаветгофа заслуживает отдельного разговора, который надеюсь впереди. А пока мы можем окинуть кратким взглядом, что еще окружало и окружает Головинский- Лефортовский сад?...

Дом Лестока, Сенатский, Фанагорийский дворец, ректорат МВТУ;
Дворец Бутурлина и дом Анны Монс (палаты Вандергульста);
Дом Салтыкова на Самокатной ул, Парк 1 мая;
Дом Троицкого архимандрита;
Дом камердинера Екатерины II Чоглокова;
Дворец Бестужева-Рюмина – Безбородко - Слободской дворец, МВТУ;
Дворец Разумовского на Гороховом поле – музей спорта.

Завершает всю эту прекрасную цепочку яузских парков Усадьба Усачевых-Найденовых, Земляной вал д.53, реставрация садовых элементов которой завершена в 2024 году

Итоги:

Таким образом, московская Яуза в XVIII – XIX веках представляла собой практически непрерывную цепь превосходных дворцов, окруженных парками, перетекавшими один из другого на протяжении от Матросского моста на Стромынке – Шоссе Энтузиастов до Садового кольца. Промышленное развитие района в конце XIX века разрушило этот облик, многие владения подмяла советская застройка. Сейчас район возвращает внимание властей и заслуженный интерес жителей и гостей, уже отремонтирована набережная Яузы, появились огромные ультрасовременные кампусы

Бауманки. Надеюсь, что к 2029 году нам вернется прекрасный парк в петровском вкусе и мечтаю, что там снова зажурчат фонтаны доктора-кудесника Николаса Бидлоо.

Что почитать?

1.О.С.Евангулова Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. МГУ, 1969 год.

2.О.С.Евангулова. Московская архитектура и её создатели. Первая половина XVIII века. Прогресс-Традиция 2014 год.

3. Москва Берхгольца. Архитектурная графика столицы 1740-годов из собрания Национального музея Швеции. Кучково Поле-Музеон – 2023 год.

4. Под редакцией Грабаря. Русская архитектура первой половины XVIII века. Госстройиздат, 1954 год.

5. Сергей Горбатенко. Архитектурные маршруты Петра Великого. Изд. Историческая иллюстрация, 2015 год.

6. Под редакцией Миклашевской. Лефортово: история, люди и судьбы. Издательский дом МЭИ, 2007 год.

7. Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX века. Принципы художественного единства. Стройиздат, 1997 год

8. Н.А.Домашнева. О чем знает река. Романовские места на Яузе. Издательство Рутения, 2019 год.

9. П.В. Синицынъ Преображенское и окружающие его места, их прошлое и настоящее. С рисунками М.Нестерова 1895 год.

10.О.Б. Сокольская. История садово-паркового искусства. Учебник для вузов. Саратов 2001 год или Инфра-М, 2004 год.

11. Калязины Н.В. и Е.А. Александр Меншиков – строитель России. Изд. Лики России 2006 год.

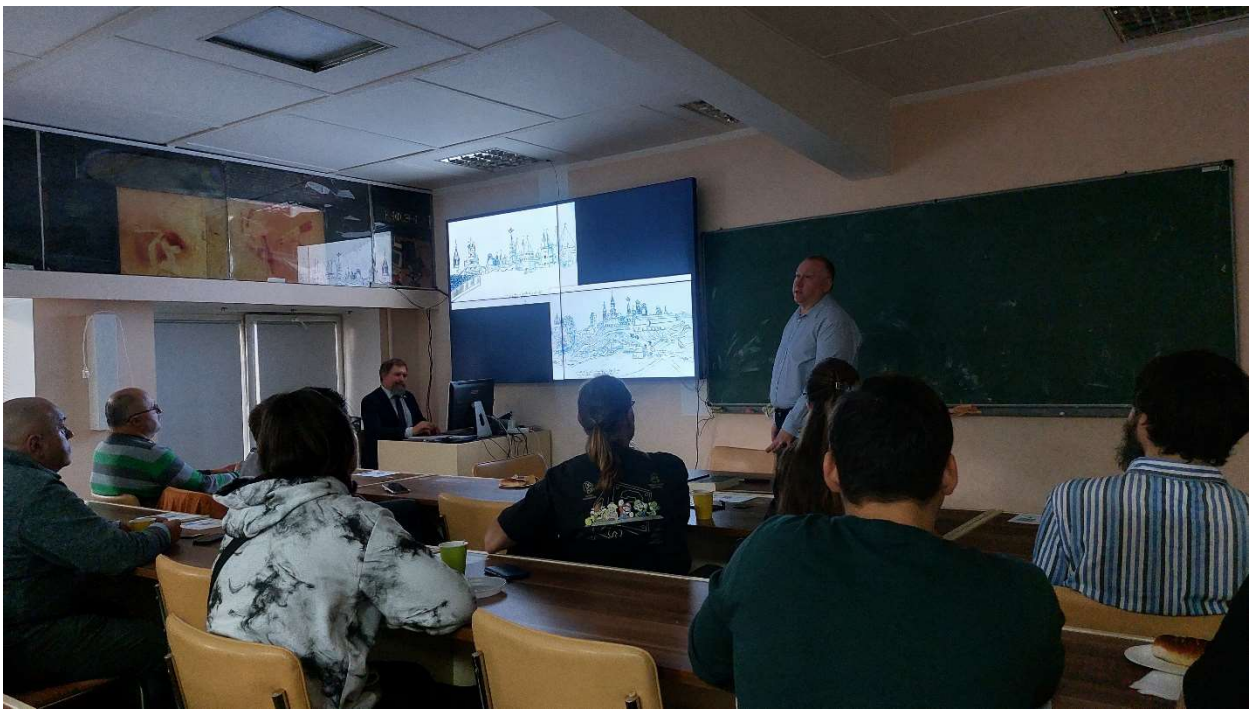
12.Эрнст Зицер. Царство Преображения. Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. Новое литературное обозрение. 2008 год.

75-Я ВСТРЕЧА КЛУБА «МВТУ»: «ПЕТРОВСКАЯ ЯУЗА - ПРЕОБРАЖЕННОЕ МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО».

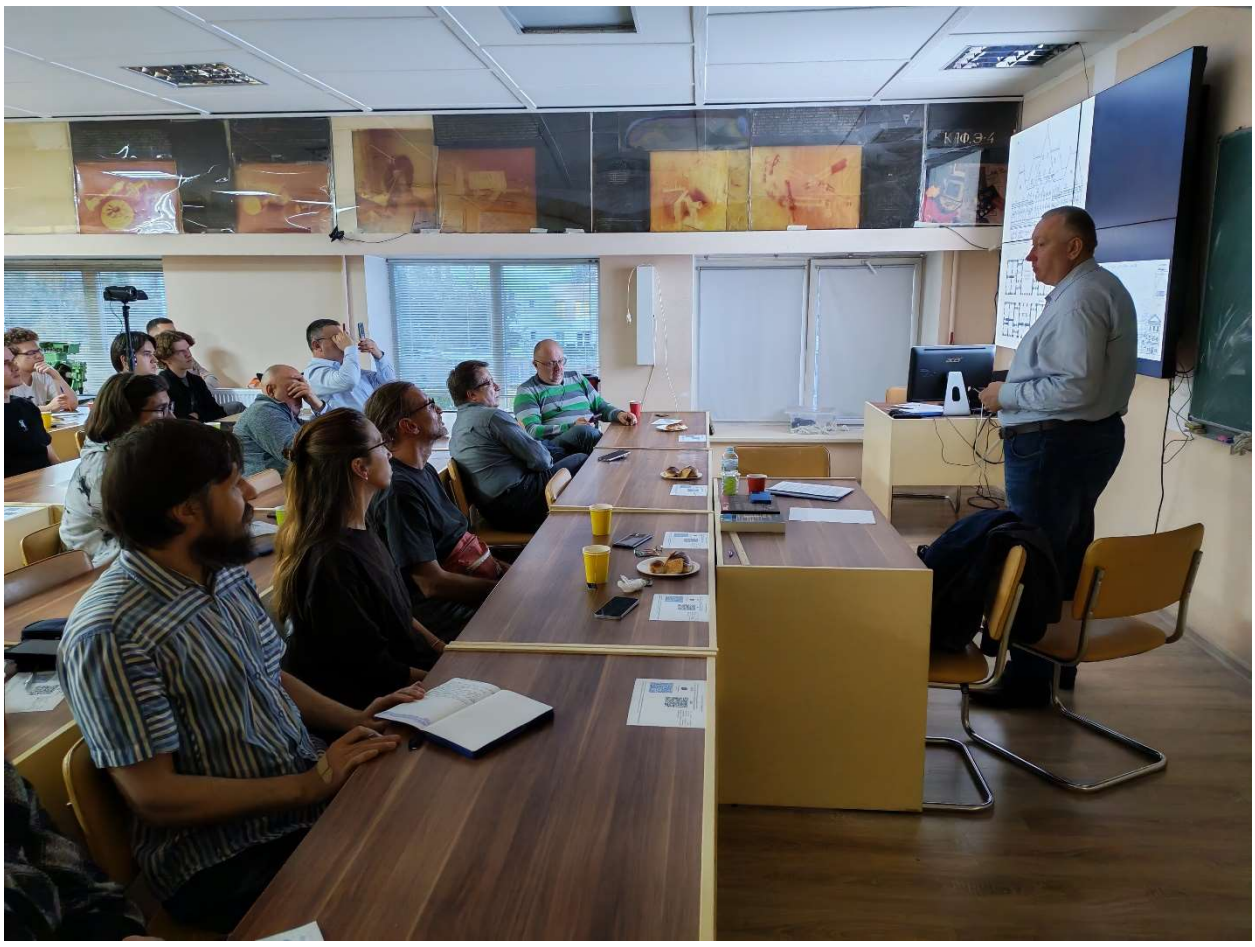
ДОКЛАДЧИК: ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ, АВТОР КОНЦЕПЦИИ ВОССОЗДАНИЯ ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ГОЛОВИНСКОГО (ЛЕФОРТОВСКОГО) САДА И ЕКАТЕРИНИНСКОГО И ЛЕФОРТОВСКОГО ДВОРЦОВ И ВСЕГО СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЯУЗЫ, АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ВЕРЖБИЦКИЙ

(17.09.2026)














АЛЕКСАНДР ВЕРЖБИЦКИЙ
E-mail: 601100@mail.ru


АЛЕКСАНДР ВЕРКЗИЦКИЙ

ССЫЛКИ НА МАТЕРИАЛЫ
ПО 75-ОЙ ВСТРЕЧЕ КЛУБА «МВТУ»:
«ПЕТРОВСКАЯ ЯУЗА - ПРЕОБРАЖЕННОЕ МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО».

ДОКЛАДЧИК: ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ, АВТОР КОНЦЕПЦИИ ВОССОЗДАНИЯ ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ГОЛОВИНСКОГО (ЛЕФОРТОВСКОГО) САДА И ЕКАТЕРИНИНСКОГО И ЛЕФОРТОВСКОГО ДВОРЦОВ И ВСЕГО СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЯУЗЫ, АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ВЕРЖБИЦКИЙ

(17.09.2026)

17 сентября 2026 г. в МГТУ им. Н.Э. Баумана прошла 75 встреча историко-философского клуба «МВТУ» на тему: **«Петровская Яуза - преображенное Московское царство»**.

У нас в гостях: был Исследователь Петровской эпохи, автор концепции воссоздания дворцово-паркового пространства Головинского (Лефортовского) сада и Екатерининского и Лефортовского дворцов и всего среднего течения Яузы, **Александр Борисович Вержбицкий.**

Учебные и научные корпуса МГТУ им. Н.Э. Баумана расположены в сердце архитектурно интересного исторического района Лефортово-Преображенское-Немецкая слобода. Александр Борисович Вержбицкий представил свое видение московского начала и становления Петровского пути к преобразованиям России, повышению её промышленного потенциала, укреплению международного статуса, формированию команды соратников и единомышленников – «птенцов гнезда Петрова».

Большое количество сохранившихся подлинных элементов Петровско-Екатерининских дворцово-парковых комплексов в Лефортово позволяет ставить вопрос о комплексном музейно-научном подходе по их целостной реставрации и воссозданию утраченных частей, включая каскады фонтанов, как это благополучно удалось реализовать на примере реставрации Летнего дворца в Санкт-Петербурге, утратившего петровские фонтаны и другое барочное парковое устройство в Екатерининское время, и возвратившего их себе в XXI веке.

На встрече было представлено большое количество уникальных рисунков, чертежей, визуальных попыток реконструкций и предложений по реставрации

большого, требующего внимания и любви национального художественного и природного достояния московской Яузы.

Видеозапись встречи можно посмотреть по ссылке:
https://rutube.ru/video/7a4a61d562ed111834d69ed59e9b0633/?playlist=615371

Наши публикации о встрече в социальных сетях:
в МАКСе: https://max.ru/c/-72102730771102/AaDY4YKRdOA
и в ВК: https://vk.ru/wall-211867492_218

Ссылки на материалы по теме встречи:

1.О.С.Евангулова Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. МГУ, 1969 год.

2.О.С.Евангулова. Московская архитектура и её создатели. Первая половина XVIII века. Прогресс-Традиция 2014 год.

3. Москва Берхгольца. Архитектурная графика столицы 1740-годов из собрания Национального музея Швеции. Кучково Поле-Музеон – 2023 год.

4. Под редакцией Грабаря. Русская архитектура первой половины XVIII века. Госстройиздат, 1954 год.

5. Сергей Горбатенко. Архитектурные маршруты Петра Великого. Изд. Историческая иллюстрация, 2015 год.

6. Под редакцией Миклашевской. Лефортово: история, люди и судьбы. Издательский дом МЭИ, 2007 год.

7. Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX века. Принципы художественного единства. Стройиздат, 1997 год

8. Н.А.Домашнева. О чем знает река. Романовские места на Яузе. Издательство Рутения, 2019 год.

9. П.В. Синицынъ Преображенское и окружающие его места, их прошлое и настоящее. С рисунками М.Нестерова 1895 год.

10.О.Б. Сокольская. История садово-паркового искусства. Учебник для вузов. Саратов 2001 год или Инфра-М, 2004 год.

11. Калязины Н.В. и Е.А. Александр Меншиков – строитель России. Изд. Лики России 2006 год.

12.Эрнст Зицер. Царство Преображения. Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. Новое литературное обозрение. 2008 год.

#МВТУ

ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ НА БУДУЩИЕ ВСТРЕЧИ КЛУБА "МВТУ"! ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА НАШИ РЕСУРСЫ, ЧТОБЫ БЫТЬ В КУРСЕ:

ВК: https://vk.com/public211867492,

МАКС: https://max.ru/join/-DNfKZvgzF-Fccp0j3JYyR8rczWd4TCNKvV7VpUFOFk

Если есть желание получать рассылку о встречах по почте, тогда напишите, пожалуйста, об этом доценту кафедры Э4 МГТУ им. Н.Э. Баумана Жарову Антону Андреевичу (zharov_a@inbox.ru)